

*М.В. Головизнина,
А.В. Лихтеништейн,
Н.Ю. Данилова*

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕФОРМЫ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

В статье предлагается социологическое объяснение логики и результатов институциональных изменений в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних (ювенальной юстиции). В основе исследования лежит Санкт-Петербургский пилотный проект по внедрению элементов ювенальной юстиции, начатый в 1998 г. Внимание сосредоточено на процессе становления службы социальных работников (нового института ювенальной юстиции) и ее взаимодействии с другими агентами существующей системы (в первую очередь, с судом и инспекциями по делам несовершеннолетних). Анализируя фазы развития проекта, авторы приходят к выводу, что направление и результаты реформы объясняются различиями в понимании и интерпретации институциональных нововведений самими участниками. В статье показано, что эти различия обусловлены как существующими законодательными рамками, в которых вынуждены действовать участники, так и прошлым опытом их совместной работы. Неудача реформ объясняется тем, что социальная служба, оказавшись на пересечении полей интерпретаций, вытесняется как из сферы правосудия, так и из сферы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Реформирование любой сферы общественной жизни — сложный и противоречивый процесс. Внедрение и законодательное закрепление новых институтов всегда сопряжено с трудностями, даже если нововведения преследуют самые благие цели. Причины того, почему социальные реформы встречают сопротивление, а новые законы «не работают», можно отнести на счет особенностей культурного и исторического развития российского общества. Однако подобные объяснения вряд ли помогут нам понять механизм институциональных изменений, разобраться в причинах успеха и неудачи реформ. В данной статье мы обратимся к ювенальной юстиции — новой формирующейся в настоящий момент системе правосудия для несовершеннолетних.

Ювенальная юстиция в России делает еще первые шаги. Необходимость ее введения обусловлена тем, что наша страна взяла обязательства

---

* Статья написана при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (Грант № 00-62733-GSS) и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

по выполнению норм международного права, касающиеся правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей*. Однако реализация этих норм в рамках российского правового пространства сталкивается с большими трудностями, как на уровне федерального законодательства, так и на уровне работы судей, инспекторов по делам несовершеннолетних, социальных работников. Именно трудности в работе практиков — судей, инспекторов, социальных работников, включенных в эксперименты, и составляют предмет анализа в настоящей статье.

Несмотря на новизну темы, в отечественной науке уже сложились определенные подходы к изучению ювенальной юстиции. Условно можно выделить пять подходов, в каждом из которых акцентируется внимание на каком-либо из аспектов ювенальной юстиции. В рамках первого — юридически-правового подхода — проводится анализ системы правовых норм в отношении несовершеннолетних, уделяется внимание обсуждению возможностей и ограничений внедрения ювенальной юстиции в существующую систему правосудия в отношении несовершеннолетних (Мельникова, Ветрова 1996: 22–41; Мельникова 1990; 2001). Во втором — криминологическом — подходе ювенальная юстиция рассматривается как одна из форм социального контроля преступности несовершеннолетних, своеобразный механизм оформленной реакции общества на преступное поведение несовершеннолетних (Забрянский 1997; Гишинский, Гурвич, Русакова, Симпура, Хлопухин 2001). В третьем — историческом — подходе основное внимание уделяется анализу истории становления и развития ювенальной юстиции в России на протяжении 1910–1918 гг. (Бочаров 2003: 41–58; Клячко 2003: 58–69; Фойницкий 2000). Четвертый — правозащитный — подход развивается в работах представителей общественных правозащитных организаций, таких как общественный Центр «Судебно-правовая реформа» (Максудов, Флямер 2002), фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (Зыков, Хананашвили, Баушева 2003; Хананашвили 2002), «Комитет за гражданские права» (Хананашвили 2002). В рамках этого подхода значительное внимание уделяется разработке и продвижению законопроектов по ювенальной юстиции, проводится анализ первых результатов экспериментов по программам восстановительного правосудия, примирения с жертвой, социальной работе в суде.

В отличие от описанных выше подходов, в данной статье мы хотели бы рассмотреть ювенальную юстицию как новый социальный институт, введение которого не только связано с реформированием системы правовых норм, но и требует изменения социальных условий функционирования системы правосудия и профилактики в отношении несовершеннолетних. Под социальными условиями мы понимаем всю совокупность норм, правил, ценностей, определяющих содержание и характер работы субъектов системы правосудия и профилактики (судей, инспекторов, чиновников).

Эмпирическую базу исследования, которое легло в основу данной статьи, составили материалы 35-ти интервью с чиновниками, судьями, инс-

---

* Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985г.; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) от 1 декабря 1990 г.; Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, от 14 декабря 1990 г.

пекторами подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), членами комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН), социальными работниками; протоколы наблюдения за работой инспекторов ПДН, судей, членов КДН; нормативные документы, законодательные акты, программы, регулирующие сферу правосудия и профилактики правонарушений несовершеннолетних. Неоценимую помощь оказали личные встречи и консультации с ведущими российскими экспертами в данной области.

В первой части статьи дается краткая историческая справка об эксперименте по внедрению форм ювенальной юстиции в С.-Петербурге, описываются его основные участники. Вторая часть посвящена анализу позиции инспекторов ПДН. В третьей части рассматривается интерпретация происходящих изменений с точки зрения судей по делам несовершеннолетних. В заключении на основе предпринятого анализа дается оценка результатов и возможных перспектив ювенальной юстиции.

Ювенальная юстиция в Санкт-Петербурге

Формирование ювенальной юстиции, понимаемой как особая система правосудия в отношении несовершеннолетних, — одно из приоритетных направлений судебной реформы в России. Однако на практике процесс становления ювенальной юстиции сильно затруднен. Это связано, прежде всего, с тем, что в России на сегодняшний день отсутствует комплексная государственная программа поддержки реформы системы правосудия в отношении несовершеннолетних. Кроме того, существующая законодательная база является недостаточной для эффективного внедрения новых форм правосудия, а процесс принятия новых законопроектов в этой сфере идет крайне медленно. Проект Закона «О ювенальной юстиции», вызвавший в свое время острую дискуссию, до сих пор так и не принят Государственной Думой*. Не удивительно, что в сложившейся ситуации инициатива по преобразованию институциональных условий в сфере ювенального правосудия перешла к общественным организациям и международным фондам. По такому сценарию, в частности, проходил эксперимент по введению элементов ювенальной юстиции в С.-Петербурге.

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на истории петербургского эксперимента (Данилова, Головизнина, Лихтенштейн 2003: 11–28), отметим только основные этапы и промежуточные результаты реформы. Так, ход эксперимента можно условно разбить на два этапа. Первый этап, начавшийся в конце 1998 г., был связан с пилотным проектом Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Программой развития ООН в РФ (ПРООН). Проект получил название «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних» и проводился по инициативе Санкт-Петербургского городского суда, в лице председателя коллегии судей по делам несовершеннолетних. Специфика данного этапа позволяет его

---

* В России были независимо разработаны два самостоятельных законопроекта «О ювенальной юстиции». Один из них был разработан в рамках президентской программы реализации судебной реформы в Российской Федерации Э.Б. Мельниковой и Г.Н. Ветровой. К сожалению, он так и не был представлен на рассмотрение парламента (текст законопроекта см.: Мельникова, Ветрова 1996; Мельникова 2001: 112–117). Второй законопроект был составлен экспертами Российского благотворительного фонда «НАН» совместно с британскими коллегами. Именно этот вариант законопроекта прошел первое слушание и был одобрен депутатами Государственной Думы в феврале 2002 г.

охарактеризовать как реформирование по французской модели ювенальной юстиции, подтверждением чему являются высказывания самих участников проекта (Будет ли... 2000; Шилов, Урбанович, Егорычева, Смирнова 2002: 122–131). Особенность французской модели ювенальной юстиции заключается в том, что судья является одновременно и центральным звеном профилактической работы с подростком, и представителем правосудия, что требует от него не только юридических, но и социологических, психологических, педагогических знаний (Хаклер 2000: 72–89; Хамфрис 2000: 90–102). В Санкт-Петербурге подобного расширения компетенции судьи в социальных вопросах и предоставления ему возможности участвовать в процессе профилактики преступности несовершеннолетних предполагалось достичь за счет специализации и повышения профессиональной квалификации судьи по делам несовершеннолетних и, главное, за счет «прикрепления» к нему социального работника. Именно социальный работник стал инструментом институциональных изменений в этой сфере.

Для достижения поставленной цели в рамках проекта была создана Служба социальных работников, на первых порах состоявшая из четырех человек. Трое из них работали соответственно в трех районах города, а один осуществлял координацию проекта при Городском суде Санкт-Петербурга. Основная функция социальных работников состояла в сборе информации социального характера и подготовке аналитической справки для судьи о личных качествах подследственного подростка, обстановке в семье, его социальном окружении. Иными словами, предполагалось обеспечить судопроизводству большую социальную насыщенность в отношении несовершеннолетних, что в свою очередь могло способствовать вынесению более обоснованных и эффективных судебных решений с точки зрения воспитания и восстановления подростка в качестве полноценного члена общества.

По окончании финансирования проекта в марте 2001 г. Служба была передана в Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних при Комитете по молодежной политике администрации Санкт-Петербурга (далее Центр). Это ознаменовало собой начало второго этапа эксперимента, логика которого во многом определялась другой моделью ювенальной юстиции, а именно, шведской*. Специфика шведской модели заключается в том, что центральное место в ней занимает Служба социальных работников, которая не зависит от суда и полиции, организована на базе территориально-муниципальных образований и обладает большими полномочиями и возможностями по защите прав ребенка, проживающего на территории округа. Для адаптации шведского опыта в российских условиях при городском Центре был организован Отдел «Социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей». Основной акцент в деятельности социальных работников был смещен от социального насыщения правосудия в отношении несовершеннолетних к проведению комплексной программы профилактики и реабилитации подследственных подростков. Эта служба развивается и в настоящее время.

Как можно заметить, фигура социального работника осталась ключевой и на втором этапе эксперимента. Поскольку статус, функции и полномочия социального работника не были определены в российском законодательстве-

---

* Второй этап проекта курировался шведским правительственным фондом SIDA, Высшей Социальной Школой Стокгольмского университета.

тве истощающим образом, и органы милиции, и суды были вынуждены самостоятельно интерпретировать роль нового субъекта системы правосудия и профилактики правонарушений несовершеннолетних. В результате статус социального работника, выработка стратегий взаимоотношений с ним стали своеобразной формой выражения отношения к эксперименту в целом. В то же время потребность определения статуса социального работника — новой фигуры в сфере профилактики и правосудия — привела к обострению внутренних проблем ведомств, включенных в эксперимент. Именно поэтому для проведения социологического анализа петербургской версии ювенальной юстиции мы и обратились к анализу взаимодействия между социальным работником — «новым» субъектом системы, с одной стороны, и инспекторами ПДН и судьями — «старыми» представителями системы правосудия и профилактики в отношении несовершеннолетних, с другой; а также попытались показать, как видят себя сами социальные работники в этом процессе.

**Взаимодействие инспекций ПДН и социальных работников:
контроль, помощь или стратегия «избегания»?**

Подразделения по делам несовершеннолетних МВД РФ (ПДН) являются важнейшим субъектом системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Статус, функции и полномочия инспекторов ПДН закреплены в законодательных и нормативных документах, в соответствии с которыми инспекторы располагают значительным набором инструментов воздействия на правонарушителей, такими как постановка несовершеннолетнего на учет, возбуждение административных или уголовных дел, ходатайство перед судом о направлении подростка в ЦВИНП или спецшколу (специализированный ПТУ)*. Нормативно-правовая база законодательно закрепляет давно налаженные связи инспекции ПДН с другими субъектами системы профилактики противоправного поведения несовершеннолетних (например, судом, КДН, органами опеки и попечительства и др.). Как выяснилось, все указанные выше характеристики института ПДН в значительной степени определили отношение рядовых инспекторов к проводимому в Санкт-Петербурге эксперименту и к самим социальным работникам.

С самого начала эксперимента его идея и сценарий реализации не получили признания со стороны руководителей районных инспекций ПДН и оценивались ими как «ошибочное решение»**. Как было сказано выше, на данном этапе социальный работник работал преимущественно с судьей, и совместно с ним выбирал дела тех несовершеннолетних, которых нужно было взять на сопровождение. По мнению инспекторов ПДН, такая организация деятельности социального работника с подследственным несовершеннолетним в конечном итоге была направлена только на то, чтобы «направить несовершеннолетнего в места лишения свободы, либо дать ему условный срок»*. Инспекторы же предлагали выйти за рамки такого узкого подхода и организовать работу по принципиально иной схеме, согласно

---

* Федеральный закон «О милиции» № 68-ФЗ от 31 марта 1999 г.; Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г.

** Из интервью с заместителем начальника ПДН Красногвардейского района Санкт-Петербурга (апрель 2003 г.).

* Из интервью с заместителем начальника ПДН Красногвардейского района Санкт-Петербурга (апрель 2003 г.).

которой приоритетным при организации работы с несовершеннолетним было бы взаимодействие социального работника с инспектором районного ПДН: *«Мы ей [социальному работнику — Авт.] предлагали прийти к нам и начать с нами взаимодействие. Мы еженедельно собираемся и мы должны выделить тех детей, которые нуждаются в социальном сопровождении: не тех, которых желает социальный работник, вот ему понравился подросток и он начинает с ним работать, нет. Я считаю, что это должен решить коллектив инспекторов»***. Таким образом, инспекторы считали, что решение о том, какого подростка нужно взять на социальное сопровождение и какую профилактическую работу с ним осуществлять, должен был принимать именно «коллектив инспекторов». Очевидно, что при этом сохранялась бы ведущая роль инспекций в профилактическом процессе, что и имело место до настоящего времени.

Появление социального работника в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних привело к обострению институционального напряжения между двумя функциями инспекций: профилактическими и карательными. Так, с одной стороны, инспекции ПДН должны проводить профилактические мероприятия по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, а с другой стороны, инспекция, будучи структурной единицей МВД (по своей сути карательного органа) в своей ежедневной работе должна участвовать в раскрытии уголовных и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними. Поэтому инспекторы признают, что их деятельность и деятельность социального работника — *«это очень схожие в некоторых моментах сферы деятельности. В наши обязанности тоже входят профилактические действия, ведь у нас отдел по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Мы тоже должны их трудоустроить, ходить в их семьи, контролировать их по месту работы, по месту учебы»***. Но в то же время, в отношениях с социальным работником инспекторы жестко позиционируют себя как представителя карательной системы. В одном из интервью руководитель районной инспекции говорит: *«Мы милиция, мы же не педагоги и не воспитатели. Прежде всего, мы милиционеры, поэтому мы можем привлекать к ответственности, мы можем отрабатывать на причастность к преступлению. Если имеется какая-то информация, то долг каждого сотрудника милиции это преступление раскрыть. Вот в этом смысле, наш орган он еще и карательный. Социальный работник, она занимается только профилактикой»****.

Анализ внутриведомственных правил демонстрирует явный дисбаланс между декларируемыми целями и приоритетами работы инспектора (профилактика) и теми средствами и инструментами, с помощью которых указанные цели могут быть достигнуты. Например, при проведении профилактической работы инспектор ПДН получает лишь оклад, в то время как в случае раскрытия преступления он дополнительно получает денежную премию: *«Денежная стимуляция ориентации на раскрытие преступлений зачастую играет не последнюю роль, особенно среди молодых, неопытных инс-*

** Там же.

** Там же.

*** Там же.

пекторов»*.

Формальные правила ориентируют инспекторов не только на приоритет раскрытия правонарушений, но и определяют понимание смысла их деятельности, а также приоритетных инструментов ее осуществления. Вот как начальник районной инспекции ПДН определяет философию своей работы: *«мы с ним [с несовершеннолетним — Авт.] побеседовали, поработали, привлекли к ответственности...»***. Выяснилось, что большинство инспекторов рассматривают именно «привлечение к ответственности, наказание» самым действенным инструментом «профилактической» работы. Этот вывод также подтверждается тем, каким образом инспекторами обосновывается бессмысленность деятельности социального работника, который не обладает «необходимыми», «действенными» инструментами воздействия на ребенка: *«Она ходит к нему и домой ходит, ну, что толку? Ну, что ходить в квартиру, разговаривать, это еще ничего не значит. Одна говорильня получается... Дальше этого она никуда не уйдет»****.

Институциональный контекст функционирования инспекций ПДН сыграл не последнюю роль в формировании ожиданий инспекторов ПДН в отношении деятельности социального работника, а также содержания приемлемых для милиционеров моделей взаимоотношений с социальным работником. Исследование показывает, что эти модели во многом воспроизводят практику совместной работы органов милиции и советской общественности: работа четко подконтрольна и подотчетна инспектору ПДН, а деятельность социального работника ограничивается рамками выполнения поручений инспектора. В своих интервью инспекторы ПДН четко определяют сферы, где, по их мнению, помощь социального работника необходима. В частности, социальный работник мог бы «помочь» им в организации летнего досуга несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН (роль социального сопровождающего несовершеннолетнего); в проведении целевых милицейских рейдов на территории (роль понятых); в организации и осуществлении допроса несовершеннолетнего (роль профессионального педагога или специалиста в области возрастной педагогики и психологии). Так, в одном из интервью инспектор говорит: *«Наши функции не должны быть воспитательными. Воспитательные функции должны быть у социального работника. Это он должен убеждать и родителей, и подростка, взять его за руку и отвести сдавать анализы и проходить врачей. Самостоятельно этого социальный работник сделать не может: у них нет законодательной базы, на каком основании вы привезете его в больницу, это то же самое, что привезет его тетя с улицы. Да мы с удовольствием социальному работнику выпишем все направления на анализы. Вот, ведите того мальчику, помогите. Каждого за руку, а это 70 человек, состоящих на учете, мы отвести не можем. Вот будет какой-то результат. Это не будет дублирование, это будет помощь огромная»*****.

---

* Из интервью с заместителем начальника 2 Отдела УОО ГУВД (сентябрь 2003 г.).

** Из интервью с начальником ПДН Московского района Санкт-Петербурга (февраль 2003 г.).

*** Из интервью с инспектором ПДН Красногвардейского района Санкт-Петербурга (апрель 2003 г.).

**** Из интервью с заместителем начальника ПДН Красногвардейского района Санкт-Петербурга (апрель 2003 г.).

Свое стремление контролировать и подчинить деятельность социального работника ведомственным интересам инспекторы аргументируют тем, что на сегодняшний день деятельность, статус, функции социального работника остаются законодательно неопределенными, а значит, мягко говоря, незаконными: *«не потому что милиция страдает манией величия, мы упиваемся своей властью, нам ее не хватает или нам некого контролировать, нет. Просто нам за самого социального работника, его жизнь приходится отвечать, чтобы ему там, в адресе, по голове не настучали. То, что он успеет наделать на территории, будем разбирать опять-таки мы. Потому что любая жалоба родителей на никому не понятного социального работника в Прокуратуру будет законна. А прокуратура спросит с кого? Правильно, — с нас»***.

Таким образом, инспекторы ПДН склонны позиционировать себя как основных обладателей символического капитала, главных субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, наделенных «настоящими», «действенными» инструментами воздействия на подростка. Этот статус инспекций во многом определяется внутриведомственными правилами функционирования института, в котором большую поддержку получают действия карательного характера, направленные на раскрытие правонарушений, совершенных подростками, нежели действия по проведению профилактических процедур. Способствует такому развитию ситуации ограниченность временных и физических ресурсов инспекторов. Инспекторам неизбежно приходится делать выбор между своими более и менее приоритетными задачами, а такими менее приоритетными задачами, получающими меньшую поддержку в рамках самого института милиции, и оказываются как раз мероприятия по профилактике. Фигура социального работника, на первый взгляд, может позволить разрешить эту проблему и дать возможность социальным работникам заняться профилактикой, а инспекторам сконцентрироваться на выполнении карательных функций. Однако, как следует из интервью, инспекторы и здесь предлагают свою собственную версию профилактической работы, которая целиком и полностью подчинена и подконтрольна милиции. В такой системе социальным работникам остается только место «помощников» инспекторов, которые работают по уже давно налаженным алгоритмам. То, что можно доверить социальному работнику — это взять на себя профилактику правонарушений на территории и освободить инспектора для выполнения сугубо «милицейской работы» — выявления, раскрытия, наказания.

Если точку зрения инспекторов ПДН в отношении нового субъекта профилактики — социальной службы — в значительной степени диктуют формальные правила, регулирующие их деятельность, то позиция самих социальных работников в сложившейся системе по отношению к милиции определяется нуждами их практической деятельности. Это объясняется тем, что изначально у социальных работников не было заданного алгоритма действий — они шли непосредственно в семьи и уже в зависимости от результатов этих встреч обращались или не обращались к инспекторам.

** Из выступления заместителя начальника 2 Отдела УОО ГУВД Санкт-Петербурга на научно-практическом семинаре «Становление ювенальной юстиции в Санкт-Петербурге» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2003 г.).

Именно это и было причиной игнорирования социальными работниками инспекторов на первых этапах своей деятельности. Опыт показывал, что обращение к инспекторам не имело большого значения для организации их работы: *«их то на месте не найдешь, то в адрес не могут выйти, то оказывается, что они в адресе не были, хотя дело по этому ребенку оформлено», «у них часто нет информации ни плохой, ни хорошей, инспектора не знают семьи», «клиенты их не видели»**. Сложившуюся ситуацию социальные работники объясняли загруженностью инспекторов ПДН: непомерно большим количеством дел, приходящихся на каждого инспектора, бесконечной бумажной отчетностью. С их точки зрения, инспекторы объективно не могут выполнять тот объем работы, который за ними закреплен. Примечательно, что это утверждение признается и самими инспекторами.

Для социального работника обращение к инспектору — это чаще всего ситуация, когда ему необходимо доказать право на собственное видение проблемы, при том, что возможности сотрудничества с инспекторами очень ограничены. За доступ к информации, которую социальные работники могут получить и другими способами (например, обратиться к судье, в комиссию по делам несовершеннолетних, к следователю, и, наконец, спросить у ребенка), инспекторы требуют предоставить отчет, справку о проведенной с подростком работе. В результате социальные работники выбирают своеобразную стратегию «слабых»: зная об ограниченности своих ресурсов, они чаще всего не идут на открытый конфликт, а идут своим путем компромиссов, предпочитая работать «параллельно» с инспекцией, а не вместе, «не мешать друг другу». Одна из социальных работников описывает характер своих взаимоотношений с милицией следующим образом: *«Вы работаете самостоятельно, и я — самостоятельно, если нужно — звоните, если вы мне нужны — я позвоню»***. Такая независимость, по мнению самих социальных работников, вызвала самые серьезные возражения со стороны инспекторов. Получалось, что инспекторы их «ругали», «обижались» на них, не потому, что социальные работники не обращались к ним за помощью, а, скорее потому, что инспекторы так и не смогли примириться с появлением нового независимого субъекта в сфере традиционного доминирования МВД.

Анализ интервью социальных работников позволяет выявить важное различие позиций социальных работников и инспекций, коренящееся в несовпадении идеологии социальной работы и идеологии милиции. Идеология социальной работы конструируется через оппозицию «карательной» парадигме милиции. Примером подобного противостояния является точка зрения, представленная в одном из интервью с социальным работником: *«моя цель не обвинить, не напугать, как это делает милиция»; «стать не контролем, а помощником, другом семьи»; «в мои задачи не входит их воспитывать, наказывать или стучать ногами, я точно такой же человек, равный им, который пришел на их территорию им помочь»****. Таким образом, социальные работники презентуют себя как носителей принципиально иной

---

* Из интервью с социальными работниками Московского, Красносельского, Петроградского районов Санкт-Петербурга (февраль-март 2003 г.).

** Из интервью с социальным работником Петроградского района (март 2003 г.).

*** Из интервью с социальными работниками Невского, Центрального, Красногвардейского районов (февраль-март 2003 г.).

идеологии взаимоотношений с подростком-правонарушителем, основной составляющей которой является не страх и наказание, а установление доверительных отношений с подростком и его семьей. Доверие между социальным работником и ребенком определяется социальными работниками как основной ресурс позитивного разрешения сложной ситуации подростка, его мотивации и готовности изменить жизнь.

Анализ интервью показывает, что социальные работники, во-первых, не видят смысла в совместной работе инспекций и социальной службы, поскольку практика показывает ее низкую эффективность. Во-вторых, что касается работы с несовершеннолетними, то они отмечают принципиальную разницу подходов социальной службы и милиции: социальная служба прежде всего ориентирована на установление доверительных отношений с подростком и формирование у него позитивной мотивации к учебе, работе и жизни в целом. Поэтому с точки зрения социальных работников сотрудничество с милицией возможно только при условии признания их независимого статуса и права на собственную оценку ситуации. В настоящих условиях социальные работники предпочитают придерживаться стратегии «избегания» интенсивных взаимоотношений с ПДН и «параллельно работать» с инспекторами, что позволяет не зависеть от инспекций и обращаться к ним за помощью лишь в самом крайнем случае. Следует отметить, что подобный выбор во многом обусловлен отсутствием официально закрепленного статуса социального работника. «Неопределенность» его позиции в сложившейся системе профилактики позволяет социальному работнику использовать гибкие стратегии взаимодействия с представителями различных служб, включенных в процесс работы с подростком-правонарушителем. На практике это означает, что в случае, если контакт с представителем того или иного ведомства не складывается, социальный работник может просто прекратить с ним взаимоотношения и обратиться к представителю другого ведомства.

Взаимодействие судов и социальных работников: постепенная потеря интереса

В Санкт-Петербурге суд выступил одним из главных инициаторов эксперимента. Как указывалось выше, изначально идея проекта состояла в том, чтобы прикрепить к каждому судье по делам несовершеннолетних социального работника, что должно было способствовать большей социальной насыщенности процесса судопроизводства и вынесению более обоснованных судебных решений с учетом психологических особенностей подростка, его семейных и социальных обстоятельств. На этом этапе статус и функции социальных работников определялись непосредственно в процессе работы и совместных консультаций. При этом судьи рассматривали социальную работу как достаточно разнообразный комплекс мероприятий, направленных на предложение определенной программы реабилитации и исправления ребенка. Так, например, в одном из интервью судья определил задачи социального работника следующим образом: *«Выявление болевых точек и причин, приведших к совершению преступления, выяснение того, что нужно*

сделать, и решение проблем.... Выяснить окружение, ... понять, что мешает тому, чтобы ребенок развивал свои способности, нормально включился во взрослую жизнь ... Определить заранее — какие меры будут эффективны, реакцию ребенка на них, меняет ли подросток свое поведение или нет»*.

Как можно видеть, на этом этапе судьи определяли задачи социального работника достаточно широко. Это объясняется наличием нескольких проблем, решение которых возлагалось на социальную службу. Так, важнейшим моментом, требующим вмешательства социального работника, является недостаток информации социального характера, с которым сталкивается практически каждый судья. В частности, судьями отмечалась однобокость и неполнота сведений о подростке, предоставляемых инспекциями: *«...система следствия и ОППН (ПДН — авт.) предоставляет, в основном, негативную информацию .... Они нацелены просто расследовать конкретное правонарушение, а не выяснить причину их совершения. А суду ведь нужно предоставить не только информацию о том, что подросток совершил»***; *«все материалы, которые я получаю от инспекторов — очень сырые. Из них сделать вывод о том, кого из себя представляет правонарушитель, практически невозможно»****.

Второй важной проблемой для судей является отсутствие какой-либо работы с ребенком после вынесения приговора (чаще всего условного). Как отмечает один из респондентов, *«если мы посмотрим на детей, которые приходят в суд, это уже крайне запущенные в социальном плане дети. ...Для их реабилитации нужны специальные программы и технологии работы. Это не просто так, вот, ... ах, мы дадим условную меру наказания, пожурим немного, и отпустим. Но он на то и ребенок, что у него личность не сформировалась, он требует постоянной поддержки и помощи ...»*****. Судьи объясняют сложившуюся ситуацию отсутствием у ГУИНа соответствующей структуры, методик, специалистов. По мнению судей, предназначение социального работника состояло, в том числе, и в разрешении этой ситуации.

Социальный работник, по мнению судей, в своей деятельности должен был быть прикреплен именно к суду, т. к. это обеспечило бы более интенсивный обмен информацией между судьями и социальными работниками, и соответственно, более эффективную совместную работу. Кроме того, это позволило бы приблизиться к новому пониманию миссии ювенального суда, функции которого значительно расширяются благодаря деятельности социального работника — суд продолжает заниматься ребенком и за пределами зала заседаний.

Со временем, однако, восприятие и оценка судьями деятельности социальных работников значительно изменились. Этому способствовал ряд обстоятельств, и, прежде всего, передача социальной службы в ведомство городской администрации на втором этапе эксперимента. Помимо этого,

---

* Из интервью с председателем Коллегии судей по делам несовершеннолетних (ноябрь 2002 г.).

** Из интервью с судьей по делам несовершеннолетних Красногвардейского районного суда (ноябрь 2002 г.).

*** Из интервью с судьей по делам несовершеннолетних Василеостровского районного суда (февраль 2003 г.).

**** Из интервью с председателем Коллегии судей по делам несовершеннолетних (ноябрь 2002 г.).

влияние оказало значительное расширение штата социальных работников, в результате чего к каждому районному судье по делам несовершеннолетних прикреплялся свой социальный работник. Для судей, которые не были включены в эксперимент с первого этапа, это означало дополнительную работу по взаимодействию с человеком из другого ведомства, причем многие не вполне осознавали необходимость подобной работы. В то же время для тех судей, которые уже имели опыт взаимодействия с социальным работником, передача службы в ведомство администрации означала снижение частоты и интенсивности контактов, а также утрату чувства общей миссии судьи и социального работника. Анализ интервью дает возможность проследить трансформацию взглядов судей на то, что делает и что должен делать социальный работник.

На основе своего опыта работы, судьи делали вывод о том, что основная функция социального работника — в сборе информации социального и психологического характера. Так, судьи указывали на то, что соцработник должен собирать дополнительную информацию, *«он может “разговорить” подростка»**, его миссия — оказание психологической и социальной поддержки. Или, например, *«соцработник может выявить то, что милиция упустила, например. Ведь у инспектора десятки, если не больше, подростков, а у соцработника — гораздо меньше»***. Вместе с тем, собираемой социальным работником информации не всегда придавалась большая ценность. Так, одна судья, оценивая собираемые социальным работником данные, отмечает: *«...если говорить в целом — то ничего нового. В принципе, я могу и сама в процессе заседания определить все это .... Хотя данная информация — не лишняя. Вообще никакая дополнительная информация не является лишней. Хотя не так уж много я приобретаю.... Тем более, что чаще всего — это несложные дела»****. Это свидетельствует о том, что судьи зачастую не понимают, как и на что может эта информация повлиять. В данном случае важным оказывается не столько то, что эта информация в отличие от той, которую предоставляют другие ведомства, является более полной и всесторонней, сколько то, что она дает возможность вынести решение, которое в большей степени будет способствовать реабилитации и исправлению ребенка.

Чем объясняется подобная заниженная оценка важности социального насыщения судопроизводства? Анализ интервью позволяет сделать два предположения. Во-первых, законодательные рамки, в которые поставлены судьи, не позволяют эффективно учитывать все те социально-психологические особенности подростка, информацию о которых предоставляет социальный работник. Этот парадокс объясняется тем, что решения, которые может вынести судья в отношении несовершеннолетнего, не отличаются многообразием. Чаще всего судьи вынуждены выбирать одну из двух альтернатив: либо условное осуждение, либо осуждение реальное****. Другие альтернативы применяются судьями в очень редких случаях. Так, например, оговоренные в уголовном законодательстве альтернативные

---

* Из интервью с судьей по делам несовершеннолетних Выборгского районного суда (январь 2003 г.).

** Из интервью с судьей по делам несовершеннолетних Московского района (март 2003 г.).

*** Там же

**** См. УК РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

ограничению или лишению свободы виды наказания практически не применяются. Как отмечают сами судьи, штраф малоприменим к несовершеннолетним, не имеющим собственного заработка, а обязательные работы и арест пока вообще не введены («не прописан механизм»). Та же ситуация и с исправительными работами: по мнению судей, они малоэффективны («не работают»)*.

Альтернативные уголовной ответственности и наказанию меры, к примеру, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, также выносятся крайне редко, и в основном — по инициативе самих сторон, а не судьи. Практически не применяются такие меры, как ограничение досуга — «нельзя проконтролировать»**. В этом отношении, по мнению судей, условное осуждение все-таки более предпочтительно, т.к. контроль за «условниками» осуществляет милиция.

Как можно видеть, закон не предоставляет судьям того разнообразия альтернатив при вынесении решения, которое могло бы дать возможность эффективно учитывать данные о социальном окружении подростка — о подобной ограниченности влияния информации о подростке на решение судьи говорит в статье социальный работник при суде А.К. Грасенкова (г. Москва) (см. подр.: Социальная работа в суде 1999). Рычаг влияния информации, собираемой социальным работником, на решение суда пока еще недостаточно велик. Исключение, возможно, составляют случаи при вынесении решения о передаче под надзор, и иногда — при освобождении от ответственности. Поэтому судьи, добиваясь смягчения наказания, замены лишения свободы условным осуждением, рассматривают это как предоставление ребенку «шанса» исправиться, больше не повторять подобных проступков, стараясь выносить меру «ниже низшего». Вместе с тем, необходимость заботы о том, каким образом вынесенный приговор будет способствовать перевоспитанию, насколько он подходит именно для этого ребенка, проблематизируется лишь в редких случаях.

Кроме того, сами судьи оказались не готовы к расширению функций суда за пределы, которые устанавливает сложившаяся традиция. За некоторым исключением, судьи считают, что профилактическая деятельность в функции суда по делам несовершеннолетних не входит. *«Суд рассматривает только то, какие документы ему предоставят», «суд может и не знать какой-то информации о несовершеннолетнем .... Сбор информации — не задача суда», «мы ведь профилактикой не занимаемся»****. Действительно, по российскому законодательству суд является независимым органом, строящим свою работу на принципах состязательности и равноправия сторон, а отдельного суда по делам несовершеннолетних официально в России пока не существует. Однако такое понимание, характерное для общих судов, должно претерпеть определенные изменения, если речь заходит о судах ювенальных. В западных странах ювенальный суд действительно берет на себя дополнительные функции, часто не совместимые с теми, которые

---

* Из интервью с судьей по делам несовершеннолетних Московского района (март 2003 г.).

** Там же

*** Из интервью с судьями по делам несовершеннолетних Красногвардейского, Выборгского, Московского районов (ноябрь 2002 г. — март 2003 г.).

традиционно выполняет суд. В петербургском случае, однако, доминирующим оказывается традиционное понимание функций и роли суда. Таким образом, судьи по делам несовершеннолетних оказываются скованными необходимостью соблюдения требований, предъявляемых к ним как к суду, с одной стороны, и необходимостью расширения своих функций для лучшего учета интересов и потребностей конкретного ребенка, с другой.

Восприятие судьями статуса социального работника и его функций претерпело значительную трансформацию. Если на первом этапе судьи рассматривали социального работника как человека, который должен и может изменить судьбу ребенка, то впоследствии судьи стали менее оптимистичными. Во многом это объяснялось тем, что существующие институциональные условия не способствовали закреплению сложившихся ранее инновационных практик работы с подростком-правонарушителем. Ограниченность вариантов судебных решений, не прописанные в законе механизмы применения альтернативных видов наказания обесценивали важность собираемой социальным работником информации. Определенную роль в потере интереса к социальным работникам сыграл перенос службы из суда в другое ведомство, что еще более ослабило интенсивность контактов между судьями и соцработниками. В результате то понимание социальной работы, которого придерживались судьи на первом этапе эксперимента, оказалось вытеснено более традиционным восприятием суда как независимого органа, не занимающегося профилактикой, что привело к потере интереса к проведению совместных мероприятий, возврату к исходной точке реформ.

Ослабление интереса судей к продолжению эксперимента во многом объясняет и изменение отношения социальных работников к работе с судьями. Если ранее контакт между судом и социальной службой был «идеальный», они работали совместно, как одна команда, то теперь, по мнению социальных работников, взаимодействие потеряло прежний смысл — большинство судей зачастую просто не проявляют никакого интереса к результатам социального расследования. В некоторых случаях сложилась абсурдная ситуация: вследствие описанных выше причин, социальный работник прекратил работать с судьей и переориентировался на взаимодействие со следствием или инспектором (хотя изначально главная цель проекта состояла в социальном насыщении судебного процесса). Принципиальное изменение структуры организации социальной службы после передачи ее в ведомство городской администрации, влияние идей шведских коллег о необходимости становления социальной работы как инструмента защиты прав и интересов ребенка привело к тому, что социальные работники стали больше ориентироваться не столько на поддержание контактов с судьями, сколько на проведение реабилитационной работы с подростком за рамками судебного процесса.

Заключение

Итак, строительство «ювенальной юстиции», задуманное как реформа правосудия в отношении несовершеннолетних, изменение роли и функций суда, постепенно трансформировалось в реформу системы профилактики и реабилитации подростков, совершивших правонарушение, а затем и в этой сфере встретило серьезные препятствия. Как показало исследование, такая

эволюция объяснялась не только сменой «официальных» парадигм реформирования и предпочтений инициаторов эксперимента, но в значительной степени была обусловлена тем, как понимали изменения, и, следовательно, как вели себя сами участники эксперимента — субъекты «старой» системы. Так, суд — инициатор проекта на первом этапе, впоследствии оказался не готовым к тому, чтобы возглавить процесс дальнейшего реформирования. С одной стороны, судьи понимали необходимость изменения характера судопроизводства по делам несовершеннолетних, его гуманизации, большего социального насыщения. Но с другой стороны, правовые рамки, как и организационные условия функционирования современного российского суда, не позволили применить новации на практике. Фактически суд оказался заложником ситуации, в которой ему вроде бы требуются помощники в лице социальных работников (для совершенствования системы правосудия в отношении несовершеннолетних), но в заданных правовых рамках правильно оценить и эффективно использовать плоды социальной работы оказалось практически невозможно.

Позиция инспекций ПДН в ходе реализации проекта была более последовательной, чем позиция суда. Инспекторы изначально видели в социальных работниках потенциальных помощников и, естественно, претендовали на получение полного контроля над их деятельностью. Фигура социального работника как независимого субъекта «социального расследования», причем субъекта без определенного, законодательно зафиксированного статуса, без жестко регламентированных обязанностей, и при этом представляющего альтернативную, гуманистическую идеологию работы с подростком, вызывала критику и недовольство со стороны милиции. С точки зрения инспекций компромисс мог быть найден в двух вариантах: либо при условии иерархического подчинения социального работника инспекциям и, соответственно, выполнения социальной службой функций по обслуживанию потребностей милиции, либо при условии смены социальным работником поля деятельности и переходом к участию в организации профилактической работы с несовершеннолетними всех категорий.

Таким образом, социальный работник оказался в поле пересечения совершенно разных и далеко не благоприятных оценок своей работы. Если позиция суда становилась со временем все более «равнодушной», социальный работник для судьи постепенно утрачивал свою значимость, то точка зрения инспекций на социальную службу изначально была «отрицательной». В подобной ситуации социальным работникам приходилось обосновывать свое место и роль в системе независимо от позиций суда и милиции. На практике этому должна была способствовать передача службы социальных работников в ведомство администрации города. Однако, как показывает анализ, это не помогло социальным работникам ни в обосновании собственного «независимого» статуса, ни в приобретении дополнительных организационных ресурсов для своей работы. Более того, ситуация в самой службе свидетельствует о неспособности сохранить накопленный за годы эксперимента профессиональный капитал. Наблюдается высокая текучесть и постоянное вымывание кадров, и, как следствие — неизбежное снижение среднего профессионального уровня и качества выполняемой работы. На сегодняшний день службу покинули все участники первого этапа эксперимента, а также большинство тех, кто прошел обучение соци-

альной работе в Высшей школе университета Стокгольма. А ведь именно эти люди, благодаря своему энтузиазму и опыту, сделали возможными институциональные изменения на первом этапе реформы. В результате приходится констатировать, что в сложившихся условиях проект независимой социальной службы вряд ли будет успешным.

Итогом реформы, таким образом, стало вытеснение социальной службы как из сферы правосудия, так и из сферы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Ее становлению как полноценного субъекта системы ювенальной юстиции препятствовали не только нормативно-правовые условия, определяющие параметры функционирования социальной работы в России, но и сложившиеся модели восприятия правосудия и профилактики несовершеннолетних, в рамках которых не нашлось места для нового субъекта — носителя институциональных изменений. Можно с грустью констатировать, что реформа оказалась никому не нужна: ни судьям, ни чиновникам, ни инспекторам. Впоследствии интерес к ней потеряли и социальные работники, которые просто не могли справиться в одиночку с возложенной на них задачей. Таким образом, приходится заключить, что на сегодняшний день мы вернулись к той исходной точке, с которой был начат эксперимент. Несмотря на наш пессимистический прогноз, в заключение мы хотели бы выразить надежду на то, что реформы в области правосудия в отношении несовершеннолетних будут продолжены, а профессионалам, проводящим данные реформы в жизнь, представленный в настоящей статье анализ окажется полезным.

Литература

Бабушкин А.В. Карманная книжка освобожденного. М.: Издательство «Сам себе адвокат», 2001а.

Бабушкин А.В. Карманная книжка (спутник) опекуна и попечителя. М.: Издательство «Сам себе адвокат», 2001б.

Бочаров Ю. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Движение за ювенальную юстицию в современной России / Под ред. А.К. Грасенковой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 41–58.

Будет ли в России ювенальная юстиция? // Русская мысль. 2000. № 4338. 26 октября.

Гишинский Я., Гурвич И., Русакова М., Симпура Ю., Хлопухин Р. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

Данилова Н.Ю., Головизнина М.В., Лихтенштейн А.В. История эксперимента: опыт создания элементов ювенальной юстиции в Санкт-Петербурге // Обучение социальных работников, занятых в ювенальной юстиции / Материалы курса. Серия «Права человека». Составитель – Санкт-Петербургская общественная правозащитная организация «Гражданский контроль». СПб., 2003. С. 11–28.

Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997.

Зыков О. Хананашвили Н., Баушева И. Лечение вместо наказания. План практических действий для создания территориальной модели // Альманах «Вопросы ювенальной юстиции». /<http://www.nan.ru/uu.html>/(10.09.2003)

Клячко А. Год деятельности особого суда по делам о малолетних в Санкт-Петербурге // Движение за ювенальную юстицию в современной России / Под ред. А.К.

Грасенковой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 58–69.

Максудов Р.Р., Флямер М.Г. Ювенальная юстиция: взаимодействие государства и общества в реагировании на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ) // Альманах «Вопросы ювенальной юстиции» // <http://www.nan.ru/almanax.html> (22.01.2002)

Мельникова Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М.: Дело, 1990.

Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2001.

Мельникова Э.Б., Ветрова Г.Н. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая модель) // Правозащитник. 1996. № 1. С. 22–41.

Социальная работа в суде в рамках восстановительного правосудия // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 214–231.

Фойницкий И. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет, 2000; Городец, 2000.

Хаклер Дж. Принимая драму за реальность во французском ювенальном суде // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. (Под редакцией М.Г. Флямера). В 2-х кн. Кн. II. М: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 72–89.

Хамфрис Н. Воспитательный аспект кабинетного правосудия во Франции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. (Под редакцией М.Г. Флямера). В 2-х кн. Кн. II. М: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 90–102.

Хананашвили Н.Л. Проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции». Разработчики: Автономов А.С., Хананашвили Н.Л. // Альманах «Вопросы ювенальной юстиции». [http://www.nan.ru/uu.html/\(22.01.2002\)](http://www.nan.ru/uu.html/(22.01.2002))

Шилов Н.К., Урбанович О.И., Егорычева С.Л., Смирнова В.Е. Ювенальная юстиция: проблемы и перспективы // Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних: Сб. статей (Международная программа «Уличные дети Санкт-Петербурга: от эксплуатации к образованию». Вып. 4) / Под ред. Е.А. Вороновой, С.А. Васильевой. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2002. С. 122–131.